

УДК 81-119

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АСПЕКТ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «ВОЛЯ/НЕВОЛЯ» В РУССКОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ

Ю.А. Латыпова

Аннотация. Образ мира в сознании человека хранится в виде образно-схематических метафор, которые уходят своими корнями в древнее сознание. Одной из наиболее распространенных и известных метафор является образ-схема «свой/чужой». Человеческому сознанию свойственно делить пространство на «свое» и «чужое». Подобное восприятие лежит в основе многих концептов, в том числе концепта «воля/неволя». В данной статье рассматривается реализация концепта «свобода воли» в рамках образно-схематической метафоры «свой/чужой» в среде субъектов, находящихся в заключении.

Ключевые слова: Концептуализация, образ-схема, метафора, дискурс, концепт, концептуальный признак

Когнитивные исследования показывают, что в процессе повседневного рефлексирования над фактами и явлениями объективной действительности любой носитель языка регулярно пользуется двумя дюжинами разнообразных образов – схем и их смысловых трансформаций [1, с. 239]. Многие абстрактные концепты «воля», «свобода», «время»,

«пространство», «движение» и др. в своем основании имеет инвариантные образные схемы. Среди образов-схем, имеющих наиболее широкое хождение, традиционно выделяют конструкты: «центр/периферия», «источник-путь-цель», «свой/чужой» и др. [2, 3].

Для человека свойственно делание пространства на «свое» и «чужое». Как правило «свое» место обитания ближе, понятнее, привычнее. Субъект входит в согласие с тем местом, где он живет, обитает. «Чужое» пространство не знакомо человеку, воспринимается им как нечто далекое и непонятное. По мнению исследователей, истоки формирования оппозиции «свой/чужой» уходят в первобытном сознании. На начальных этапах первоначально осознается «МЫ» в контексте природы, затем собственно «Я», которое подразумевает противопоставление себя чему-то или кому-то другому, и приобретает этот смысл только в контексте этого противопоставления [4]. Оппозиция «свой/чужой» имеет зеркальную структуру, которая опирается на представление о «Я», субъекте, и отражается в любом другом объекте действительности, способном выстраивать относительно себя сферу «своего», относительно «своего» выстраивать «чужое». Семантика «свойственности» и «чуждости» закрепляется за определенными объектами действительности, которые константно попадают в личную сферу субъекта или константно исключаются из нее [5].

Традиционно, концепт «воля» в русском языке концептуализируется через понятие «свое»: ощущение «свободы, неограниченности» ближе и предпочтительнее для носителей русского языка. Другую ситуацию мы видим, при рассмотрении контекстов, отражающих восприятие «воли» у узников, т.е. субъектов, находящихся в заключении. Два мира: «свободный» и «несвободный» четко разделены между собой и почти не соприкасаются. Эта два абсолютных разных противоположных мира, между которыми находится граница. Субъект относится враждебно к тому, что находится за гранью, не принимается им. «Воля» как правило ассоциируется с «нахождением на свободе, в не заключении» (И.И. Даль). Однако «неволя» воспринимается «своей» для тех, кто находится длительное время в тюрьме, в заключении.

«Воля» и «Неволя» рассматриваются в противопоставлении, как несовместимые и противоположные миры. В тюрьме, в отличие от свободы, спокойно, там нет суеты, спешки: *«Каждому сейчас непередаваемо хорошо и спокойно. Если хочешь – даже на воле редко так бывает, ведь же нету никаких забот и спешки, планов и суеты нет, наши головы обречены на отдых»* (И. Губерман «Прогулки вокруг барака»). По эту сторону границы, в заключении «своя», специфичная жизнь, незнакомая свободному человеку: *«Разговоры о еде, впрочем, были под негласным запретом. А на ужин опять была такая же уха или каша из крупы, никому неведомой на воле»* (И. Губерман «Прогулки

вокруг барака»). Нахождение в тюрьме в представлении узника – это «быть в своем пространстве».

Взаимодействие между субъектами в «неволе» отличаются от обычных отношений. Проживание на «своей» единой территории соединяет то, что невозможно на свободе: *«К нему ходит сюда навещать его побратим и друг Джемал – он осетин, тоже тип вполне открытый и ясный, не приведи Бог быть на воле их врагами. Познакомились и сошлись они на зоне, только не здесь, а где-то рядом, в Ингаше (это такой же точно лагерь, их полно тут)»*. (И. Губерман «Прогулки вокруг барака»). Узники в «неволе» поддерживают друг друга: *«Очень он поддерживал нас, уж не знаю насчет вреда его или пользы для здоровья. Думаю, все-таки, что пользы было много более, чем вреда, ибо он стимулировал дух, он бодрил нас, цифирь, а главное – он соединял нас. Ничего важнее этого я не знаю для человека в неволе»* (И. Губерман «Прогулки вокруг барака»).

Тем не менее, нет «глухой стены» между «внутренним невольным» и «внешним вольным» миром. Субъекты связаны с «волей» своей деятельностью: *«Комбинат был небольшой, но от него зависело все строительство большого северного города, что знал план, сдавал квартиры, строил детские сады, ясли и пивные бары – в общем, создавал всю ту инфраструктуру, без которой и вышедшему на волю щипачу, и домушнику тоже не прожить. Таким образом, сидящий здесь уголовный элемент создавал по мере возможностей свой рынок труда»*. (Л. Костомаров «Земля и небо»). Человек привязывается к своему труду, и остается там же, после выхода на свободу: *«Поселок, "старый город", построен руками моих питомцев; школа, библиотека, больница, клуб – все это эзковские мозоли, досрочные освобождения за ударный труд, пот и возможность забыться в долгих годах неволи. А еще вот те деревянные заборы, вышки, проволочные ограждения, что опоясывают низину у подножья холма, сами же для своей охраны возвели, своими руками... Освободившись, многие остаются работать здесь, это их город»* (Л. Костомаров «Земля и небо»).

Переход через границу из «своего мира» в «чужой мир», как правило, связано с кризисом, как в одну сторону, так и в обратную. Например, переход из «воли» в «неволю» может восприниматься субъектом не совсем справедливым явлением, которое совершилось по воле судьбы: *«Был я в неволе уже год. Повернулось где-то невидимо лотерейное колесо судьбы, а замишело-архаичные слова эти, если чуть поиграть ими, превращаются в судебное колесо»*. (И. Губерман «Прогулки вокруг барака»). Человек попавший в «неволю» отличается от основной массы: *«И весьма точно, ибо я читаю его опусы на расстоянии и должен заметить, что пишет он жесткий реализм и сам несколько отличается от всех. Интеллигент, светлая голова, на воле – предтеча новых направлений в чудной науке биокibernетике, он в силу воистину невятных причин зачем-то помещен их репрессивной машиной в этот приют скорби и пороков. Ценность такового шага для страны сомнительна, сообразность наказания содеянному относительна, только лукавый в силах объяснить его здесь нахождение»* (Л. Костомаров «Земля и небо»).

При попадании в «неволю» субъект адаптируется к чужой территории. Тюрьма – это место, которое не принимает людей с добрыми намерениями: *«Ты неизлечимо болен очень редкой даже на воле болезнью – ты ко всем суешься с добром. А на зоне это не просто глупо, это опасно. Добро можно делать только в случае крайней необходимости, а по возможности – совсем не надо делать»* (И. Губерман «Прогулки вокруг барака»). Находясь в неволе, человек изживает лучшие качества, адаптируется: *«Тут я обиделся и стал поступать по настроению. Каждый раз мучаясь, когда проявлял жадность и зажимательство, и не менее того сожалая, когда расщедривался, как на воле. А потом я не заметил и сам, как прижился и обжился на зоне»*. (И. Губерман «Прогулки вокруг барака»).

И наоборот, при переходе из «неволи» на «волю», человек чувствует дискомфорт, не желает расставаться со «своим миром» в «неволе». Субъект воспринимает выход на «волю» как попадание в «чужой мир». Человек, привыкший жить в заключении боится

выходить наружу, покидать привычную жизнь: «*Даже если не пристроим вас на воле, все равно придется вас освободить, – спокойно заметил майор, пропустив мимо ушей угрозы. – Закон есть закон*» (Л. Костомаров «Земля и небо»). «Воля» как «чужой мир» не принимает человека из заключения. Узники, которые провели много времени по эту сторону границы, не могут адаптироваться на свободе: «*Необузданный гнев, ощущение физического превосходства служат дурную службу многим, кто на моем веку слыл в Зоне настоящими парнями, рыцарями без страха и упрека. Выходя на волю, где взаимоотношения людей строятся часто на подлости, открытой лжи и оскорблениях, эти умеющие постоять за себя братки Зоны без лишних объяснений расправляются с обидчиком*». (Л. Костомаров «Земля и небо»). Субъект из заключения, не может сдерживать себя и продолжает жить по своим тюремным законам: «*Часто это случается глупо, можно бы отиутиться или просто уйти от гадливого человека. Но у них всё всерьез и на полном накале страстей. Результат – все та же Зона, откуда и сунулся браток в вольный мир со своим уставом*». (Л. Костомаров «Земля и небо»).

Оказавшись по ту сторону границы, на воле, узник возвращается назад: «*Смелчак Жаворонков отдыхал на воле всего месяц – к заморозкам на политинформации нам сообщили: взят, на квартире у первой жены. Искали у последней, а он был у той, первой. Не сопротивлялся, улыбался. Когда везли, беспечно распевал песни*». (Л. Костомаров «Земля и небо»). Не готовность выйти на «волю»: «*Сопит, убить готов, глаз красный на меня косит, гаденыш. – Ничего ты не понял, говорю. – Еще тебе надо посидеть, наверно. Впрочем, гулять с твоим характером на воле недолго придется*» (Л. Костомаров «Земля и небо»). Бывшие узники возвращаются в заключение как к себе домой: «*Этот же Лебедушкин, озлобленный на весь белый свет, поставивший крест на своей молодости, появился в Зоне уже как ее человек, которого воля отторгла потому, что в ее подлые законы он не вмещался. Лебедушкин пришел в Зону уже окрепшим бойцом, которого предыдущее зло в его нескладной жизни вынуждало на постоянный отпор*». (Л. Костомаров «Земля и небо»)

Находясь в заключении, человеку свойственно стремление к свободе: «*Медведеву отчаянно захотелось быстрее выскочить с вахты в обратную сторону – на волю и побежать домой, а там скинуть галифе, китель, встать под душ и долго-долго мыться, постепенно забывая про Зону и Баклановых, Синичкиных*» (Л. Костомаров «Земля и небо»). Человек привязан к «воле» и готов на все ради того, чтоб оказаться там: «*Синичкин, любимец курса, позер, человек тонкий и нервный, любитель девочек и крепкого столичного кофе, лежал в углу барака, предвкушая близкую волю, готовый на все ради нее*» (Л. Костомаров «Земля и небо»). Некоторые запасаются терпением, ради выхода на «волю»: «*И он терпел, потому что знал это все ради того, чтобы однажды выйти на волю целым и невредимым, сохранить зубы и ребра и увидеть свой балетный класс*» (Л. Костомаров «Земля и небо»). Думать о «воле» долгие годы в заключении: «*Оправившись тогда от страха и боли, он со сладостным ужасом ждал снова нечто подобное, и в балетной среде пришло оно к нему неизбежно и, как оказалось, навсегда... часто он вяло думал, что лучшие годы его жизни прошли в тюрьме, где он хоть к чему-то стремился – к воле, скажем.*» (Л. Костомаров «Земля и небо»).

Ощущение несвободы угнетает, вызывает чувство раскаивания: «*Все это не могло, безусловно, хоть на миг заглушить им тяжкое состояние неволи – безнадёги, под стать которому складываются и мысли, и чувства. Одному состояние это нашептывает раскаяние, а от него и к высотам нравственным, к очищению – один шаг*». (Л. Костомаров «Земля и небо»). В заключении раскрываются черты, которых невидно на воле: «*Но и над теми, и над другими ежедневно висит тоскливое осознание своей отверженности, ненужности, и тем унижительнее становится существование. Именно в такой миг чаще и раскрывается вся человеческая сущность, старательно скрываемая на воле*». (Л. Костомаров «Земля и небо»)

Несмотря на то, что концепт «воля» в восприятии тюремщика предстает как «чужой мир», в глубине души он готовится к ней: *«Это я в тридцать седьмом наколол. Чтоб не расстреляли. Тогда ведь как было: если... он у меня на сердце, – показал на грудь, – стрелять, значит, не будут. А теперь-то зачем? На волю скоро. Вот ляписом и ножичком решил свести со своего сердца мавзoley. Не совсем удачно, согласен».* (Л. Костомаров «Земля и небо»). Человек, ради свободы, готов вытерпеть многое: *«И он терпел, потому что знал это все ради того, чтобы однажды выйти на волю целым и невредимым, сохранить зубы и ребра и увидеть свой балетный класс».* (Л. Костомаров «Земля и небо»). В отличие от свободы, люди хоть к чему-то стремятся, к воле, например, *«Оправившись тогда от страха и боли, он со сладостным ужасом ждал снова нечто подобное, и в балетной среде пришло оно к нему неизбежно и, как оказалось, навсегда... часто он вяло думал, что лучшие годы его жизни прошли в тюрьме, где он хоть к чему-то стремился – к воле, скажем».* (Л. Костомаров «Земля и небо»)

Граница между «волей» и «неволей» болезненно обрывает связи между людьми: *«Ожидая этапа, встретиться на воле мы не договаривались, хотя очень этого хотелось обоим, но еще впереди были годы, а он знал, как меняет людей лагерь, и молчал, не прося у меня адрес, молчал и я, полагая, что не стоит навязываться».* (И. Губерман «Прогулки вокруг барака»). Субъект, оказавшись в неволе, оставляет нечто дорогое на свободе, пробуждающие в нем чувства долга и совести: *«Обещаю тебе, что сохраню его до воли и вынесу, ты его тогда прочтешь, но уже тебе не будет страшно. Очень мне не хочется тебя волновать, очень больно думать, что от меня, и только от меня – все твои неприятности последних лет. Знаешь, интересно, что чувство вины перед близкими очень обостряется в неволе – отсюда, наверно, такое количество покаянных сентиментальных песен, обращенных к матерям и подругам. Я это испытал сполна».* (И. Губерман «Прогулки вокруг барака»). Связь с «волей» обостряет чувство «неволи»: *«И внезапные, беспричинные – от обострения вдруг чувства неволи. Не из лучших и очень странное состояние. У меня они от писем были. И чем лучше, чем роднее были письма, тем острее были недолгие гонки».* (И. Губерман «Прогулки вокруг барака»)

Таким образом, анализ дискурса показал, что «воля» воспринимается субъектами в заключении как «чужой мир», враждебный мир. А «неволя» – это «свой мир», более понятный и знакомый. В «своем мире» субъект чувствует себя комфортно, можно выделить следующие концептуальные признаки: «неволя – свой мир», «в неволе – свои люди», «случайное попадание в неволю», «адаптация к неволе», «привязанность к неволе». «Воля» – это «чужой мир»: «воля – мир враждебный», «неприятие законов воли», «обладание связью с волей», «стремление к воле», «готовность к воле».

Литература

1. Агапова М.Н. Семантический компонент «свое – чужое» в фольклорном тексте // Коммуникативные аспекты языка и культуры. Сб. науч. статей и тез. – Томск: Изд-во ТПУ, 2001. С. 66-69.
2. Латыпова Ю.А. Концептуальные метонимические модели в основе развития концепта воля // Актуальные научные исследования в современном мире. Переяслав-Хмельницкий, Сборник научных трудов, декабрь 2016, выпуск 12 (декабрь) (20), часть 4. С.125-129.
3. Латыпова Ю.А. Динамические образ-схемы в основе дискурса (на материале концепта «will») // Актуальные проблемы теоретической и прикладной филологии: материалы III Международной научно-практической конференции, посвященной 35 летию кафедры иностранных языков гуманитарных факультетов (г. Уфа, 11-12 апреля 2017 г.) / отв.ред. А.Р. Мухтаруллина. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2017. С.160-173.
4. Латыпова Ю.А. Функционирование образ-схемы «свой/чужой» в структуре концепта «ихтияр» в дискурсе // Актуальные проблемы теоретической и прикладной филологии: материалы III Международной научно-практической конференции, посвященной 35 летию кафедры иностранных языков гуманитарных факультетов (г. Уфа, 11-12 апреля 2017 г.) / отв.ред. А.Р. Мухтаруллина. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2017. С.173-181.
5. Gibbs, R. W. The Cognitive psychological reality of image schemas and their transformations / H.-L. Colston, R. W. Gibbs // Cognitive linguistics: basic readings / ed. by D. Geeraerts. – Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2006. – P. 239–268.
6. Гребенщикова Н. Понятие воля в русском языковом сознании // Вопросы функциональной грамматики. Гродно, 1998.

7. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988. С. 8-70.
8. Степанов Ю. С. Основы общего языкознания / Ю. С. Степанов. – М.: Просвещение, 1975. – 271 с.

Сведения об авторе

Латыпова Ю. А., ассистент ФГБОУ ВО БашГУ, e-mail: Dzulija.latipova@yandex.ru

**SPACE ASPECT OF REALIZATION OF THE CONCEPT "FREEDOM/SLAVERY"
IN RUSSIAN DISCOURSE**

Yu.A. Latypova

Abstract. The image of the world in the mind of man is stored in the form of figurative and schematic metaphors, which are rooted in the ancient consciousness. One of the most common and well-known metaphors is the image-scheme "our/others". Human consciousness is inherent in dividing space into "ours" and "another's". This perception underlies many concepts, including the concept of "freedom/slavery". This article deals with the implementation of the concept of "freedom of the will" within the framework of the figurative-schematic metaphor "ours/ another's" among the people in a prison.

Key words: Conceptualization, image schema, metaphor, discourse, concept, conceptual feature

Data about the author

Latypova Yu. Lecturer of Bashkir state university, e-mail: Dzulija.latipova@yandex.ru